

В. М. Массон предлагает свою периодизацию древнего Согда, согласно которой формирование рабовладельческих отношений и образование раннерабовладельческого государства в Согдиане относится к VI—V вв. до н. э., а возникновение развитого рабовладельческого общества — ко II в. до н. э.

Работа содержит ряд неудачных формулировок, затрудняющих ее чтение и понимание. Например, «со II в. до н. э. окончательное оформление согдийского государства, формы которого осложняются политической обстановкой» (стр. 69). Неясно, что автор понимает под «модернизированием феодализма» буржуазными учеными (стр. 60).

В студенческих работах не указывается научный руководитель студента. Создается впечатление, будто научные руководители снимают с себя ответственность за качество студенческих работ.

А. И. Немировский

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ТАДЖИКИСТАНА

Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II, МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953, 314 стр. + таблицы, тираж 1500 экз., цена 21 р. 90 к.

Выход в свет второго тома Трудов Таджикской археологической экспедиции значительно пополняет литературу по археологии Средней Азии. Исследования Таджикской археологической экспедиции охватили большую часть территории Таджикистана, положив начало систематическому археологическому изучению Таджикской ССР. Полученные в ходе работ материалы, в том числе замечательные памятники согдийского искусства, позволяют по-новому ставить и решать многие вопросы истории и культуры таджикского народа и всей Средней Азии в целом.

Второй том Трудов экспедиции посвящен памяти одного из крупнейших советских востоковедов — А. Ю. Якубовского. Том содержит 14 статей, хронику работ экспедиции с 1946 по 1951 гг. и библиографию работ экспедиции.

Труды открываются вводной статьей А. Ю. Якубовского, где дан общий обзор работ ТАЭ, поставлены теоретические вопросы, и намечаются конкретные задачи ТАЭ. Результатам работы экспедиции в Пянджикенте посвящено семь статей. Статья А. М. Беленицкого «Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг.» (стр. 21—58), в течение ряда лет руководящего археологическими исследованиями на городище Пянджикент, содержит описание обнаруженной в помещениях храмов высокохудожественной росписи, чрезвычайно интересной по сюжетам: многофигурная сцена оплакивания покойника, ритуального пиршества, моления и др. Как показали стратиграфические наблюдения, Пянджикент не является однослойным памятником (стр. 26, 53). Тщательное изучение одного из храмов (объект I) позволило А. М. Беленицкому установить, что первоначальный план его был сильно изменен позднейшими пристройками. Однако отсутствие в статье разрезов и данных о нивелировке городища затрудняет установление стратиграфии памятника. Вызывает сомнение отнесение некоторых предметов к числу культовых, например колокольчика, железной ложечки и лопатки (стр. 31—32). Что же касается местного происхождения архитектуры пянджикентских храмов (стр. 12, 58), то в свете открытий последних лет (раскопки храма в Баласагуне, открытие храма Сурх Котал в северном Афганистане) этот вопрос требует дальнейшего исследования.

В небольшой статье Б. Я. Ставиского (стр. 59—63) изложены итоги работ в юго-восточной части городища, где раскопками было обнаружено жилое здание (объект V). Изучение этого здания представляет интерес для выяснения социальной принадлежности обитателей подобных домов.

В статье Б. Я. Ставиского, О. Г. Большакова и Е. А. Мончадской «Пянджикентский некрополь» (стр. 64—98) содержится описание и анализ некрополей, исследованных в 1948—1950 гг. Паузы Пянджикента представляют собой не-

большие надземные склепы, сложенные из сырцового кирпича и перекрытые коробовым сводом. Внутри них помещались глиняные ящики, так называемые оссуарии. Вероятно, наусы являлись семейными усыпальницами, служившими для неоднократных захоронений. Еще в древности они были ограблены и разрушены, и потому не удалось восстановить в подробности погребальный обряд. К сожалению, отсутствие археологических планов раскопок наусов с обозначением находок в них не дает возможности установить детали обряда погребения, например — помещались ли в наусе монеты (ср. стр. 14). Поскольку авторы статьи поставили вопрос о преемственной связи между наусами и позднейшими мазарами (стр. 95), они должны были обратить внимание и на происхождение самих наусов. Возможно, что исследование каменных надземных склепов — мугхона из Ферганы, глинобитных склепов Пскента и некоторых других памятников, предшествующих по времени, позволило бы ответить на этот вопрос. В связи с изучением оссуарного погребального обряда значительное место в статье уделено вопросу о религиозных воззрениях населения Согда. Однако вопрос о терминологии языческих культов природы в Согде и др. требует еще дальнейшего изучения и обоснования.

В статье В. Л. Ворониной «Архитектурные памятники древнего Пянджикента» (стр. 99—132) дано подробное описание обнаруженных раскопками типов зданий, строительной техники и приемов украшения. Много места в статье уделено III объекту, отчет о раскопках которого почему-то не включен во второй том Трудов. III объект, по мнению В. Л. Ворониной, представляет собой жилой квартал разновременных жилищ (стр. 106). Однако, если архитектурным памятникам Пянджикента (жилым и храмовым зданиям) было уделено значительное внимание в статьях тома, то изучение самого города нашло меньшее отражение в томе. Именно от ТАЭ следует ожидать решения проблемы сложения среднеазиатского города, являющейся важной и сложной проблемой в археологии и истории Средней Азии.

Статья И. Б. Бентович посвящена керамике Пянджикента (стр. 133—145). Автор приводит описание керамики по группам, сравнивает ее с синхронной керамикой других областей и дает некоторые общие выводы. К сожалению, И. Б. Бентович недостаточно внимания уделила хронологической группировке керамики. Остается также неясным, принимает ли исследователь периодизацию (выделение двух периодов в развитии керамики Пянджикента), предложенную А. И. Тереножкиным (см. в I томе Трудов ТАЭ, стр. 91 и 44), или же новыми находками она опровергается. Вызывает сомнение утверждение автора об изготовлении посуды Пянджикента на южном гончарном круге.

Опыт успешной работы реставраторов по сохранению древней живописи освещен в статье Е. Г. Шейниной «Консервация и реставрация стенных росписей древнего Пянджикента» (стр. 146—157).

Антропологические находки из наусов исследованы в статье В. В. Гинзбурга «Материалы к краниологии Согда» (стр. 157—167). Автор отмечает существование двух расовых европеоидных типов среди населения Согда: брахикранного и типа среднеазиатского междуречья — долихо-мезокранного (стр. 162). К сожалению, в статье не рассмотрен богатый иконографический материал Пянджикента. Обедняет статью также отсутствие фотографий и изображений черепов.

Статьи О. И. Смирновой об археологических разведках в верховьях Зарафшана в 1948 г. (стр. 168—188) и в Усрушавне (стр. 189—231) посвящены описанию исследованных памятников этих районов. К сожалению, составленные на основании этих разведок археологические карты остались неопубликованными. Из результатов разведок в верховьях Зарафшана значительный интерес представляет обнаруженное у сел. Засун кладбище первых веков до н. э. (стр. 185), так как оно свидетельствует о существовании в первые века до н. э. поселений в горных районах северного Таджикистана. Часть обследованных памятников Усрушавны также восходит к кушанскому времени. Представляется возможным отождествить Муг-Тепе и Ура-Тюбе с Киропо-лем античных авторов. Обследование Усрушавны позволяет в какой-то мере локализовать ее средневековую столицу — Бунджикату, хотя до проведения более широких

археологических работ этот вопрос в значительной мере остается открытым. Недостатком статей О. И. Смирновой является ограниченность воспроизведенных материалов, собранных на исследованных памятниках.

Статья Н. Негматова посвящена «Историко-географическому очерку Усрушаны с древнейших времен по X в. н. э.». Н. Негматов рассматривает сведения античных авторов и дает картину географии средневековой Усрушаны. Неправильным является отождествление городища Куркат-Ширии на Сыр-Дарье (датированное О. И. Смирновой V—VI вв. н. э. — стр. 227) с «царским городом» согдийцев IV в. до н. э. (стр. 235). Этот пункт (βασίλεια τῆς Σογδιανῆς — *Agg., Anab., IV, 5, 2*) был расположен на Зарафшане в районе позднейшей Кушании или даже Бухары.

В статьях М. М. Дьяконова «Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950—1951 гг.)» и Н. И. Забелина «Раскопки на городище Калаи-Мир», представляющих большой научный интерес, изложены результаты археологических работ в нижнем течении р. Кафирнигана. В этом районе был обследован ряд древних памятников, и на двух из них (городища Калаи-Мир и Кейкобадиан) начаты раскопочные работы, которые установили, что Калаи-Мир в нижних слоях является поселением середины I тысячелетия до н. э. K III—II вв. до н. э. относится возникновение городища Кейкобадиан, жизнь на котором прекращается после III—IV вв. н. э. «Конец жизни города связан с общим кризисом рабовладельческой системы, угнетением того типа городов, который был характерен для рабовладельческой формации и теперь изживал себя» (стр. 292). М. М. Дьяконов выделяет следующие этапы истории древнего Кобадияна: древнебактрийский (VI—IV вв. до н. э.), грекобактрийский (III—II вв. до н. э.), тохарский (I в. до — I в. н. э.), кушанский (II в. н. э.), позднекушанский (III—IV вв. н. э.). Соответственно этапы условно именуются Кобадиян I, II, III, IV и V. В конце статьи приложена сводная таблица археологического материала. Археологический комплекс Кобадиян I позволяет считать середину I тысячелетия до н. э. временем сложения в Средней Азии городских рабовладельческих центров (стр. 282). Полученный на кобадианских городищах материал имеет большое значение для изучения синхронных памятников в других районах Средней Азии. Однако вследствие ограниченности проведенных раскопочных работ ряд вопросов остается не вполне ясным. Так, не ясны хронологические рамки древнебактрийского этапа: VII—V вв. до н. э. (стр. 17 и 296); VII—IV вв. (стр. 275, 285—287); VI—IV вв. (стр. 282), что оговаривает и сам М. М. Дьяконов: «Датировать этот этап следует VI—IV вв. до н. э., хотя возможна и более ранняя датировка» (стр. 282). Возможно, освоение долины Кафирнигана относится к более позднему времени, чем сложение главных городских центров Согды и Бактрии.

Трудно расчленим материал этапов Кобадиян II и III. Этап III, так же как и этап IV, не связан с остатками сооружений, и единственным критерием для их выделения послужила стратиграфия раскопа на Кейкобадиане (стр. 276, 301), профиль которого к отчету не приложен. Скорее всего материал Кобадияна II и III относится к одному историческому периоду, постепенные изменения внутри которого еще трудно уловить. С неуточненным расчленением этапов II и III связана и противоречивость в датировке меднолитейной мастерской (ср. стр. 280, 286, 273, 296). Различны и противоречивы толкования в Трудах находки на Калаи-Мире диоболов Евкратиды как свидетельства для датировки археологического комплекса (стр. 275, 283). Н. И. Забелина считает, что монета перемещена из более нижних слоев (стр. 296). Вызывает сомнение отнесение к древнебактрийскому комплексу статуэтки поделки (стр. 281), напоминающей вещи кушанского времени из Таксилы. Насколько позволяет судить текст этих статей, полученный при раскопках материал опубликован не полностью. Несмотря на сделанные замечания, важность работ М. М. Дьяконова на кобадианских городищах для характеристики более чем тысячелетнего периода истории северной Бактрии несомненна.

В статье А. И. Колпакова (стр. 302—306) приводятся сведения по исторической топографии Кобадияна XIX в., установленные на основании опросных данных.

Оценивая положительно этот том МИА, как ценный научный вклад в разрешение важных проблем древней истории нашей Родины, следует указать вслед за А. Ю. Якубовским (стр. 11), что ТАЭ недостаточно внимания уделено эпохе первобытно-общинного строя. Памятников этого времени выявлено мало, и полученный материал не опубликован. Недостаточно во втором томе Трудов уделено внимания истории развитого средневековья на территории Средней Азии. Важной проблемой являются вопросы этногенеза таджикского народа, и на материале, получаемом ТАЭ, можно ставить например, вопросы происхождения культуры таджикского народа, на что уже обращалось внимание¹. Для исследования этого круга вопросов необходимо широкое изучение на территории Таджикистана памятников кочевых племен, что неоднократно признается и руководством экспедиции (стр. 11, 20, 293). В изданиях ТАЭ следует больше внимания уделить исследованию массовых памятников материальной культуры Пянджикента (керамика, оружие, украшения, вопросы технологии производства и др.), которые иногда заслоняются исследованием отдельных замечательных росписей или прекрасно сохранившейся архитектуры зданий. При публикации развернутых отчетов необходимо возможно более полное издание добытого материала. Иллюстративный же материал II тома Трудов обеднен по сравнению с I томом. Следует давать также публикацию археологических планов с обозначением мест находок отдельных предметов. Нельзя не пожалеть об отсутствии во II томе списка монет, найденных в Пянджикенте в 1948—1950 гг., неоднократно упоминаемых в ряде статей. Опубликованные два тома Трудов ТАЭ отражают лишь часть добытого экспедицией материала, имеющего большое научное значение. Высказанные в рецензии замечания во многом связаны с дальнейшим расширением работ ТАЭ, отмечающей в этом году 10-летие своей плодотворной деятельности. В целом рассматриваемый второй том Трудов ТАЭ является ценным вкладом в дело изучения богатого прошлого народов Средней Азии.

Ю. А. Заднепровский, В. М. Массон

P. OLIVA, Raná česká tyrannis. Studie k otázce vzniku státu. Praha, 1954; ОН ЖЕ, Počátky otrokářské výroby v antickém Řecku. «Československý časopis historycký», 1954, стр. 78—92.*

Рецензируемая книга представляет собой, повидимому, первое крупное произведение чешского ученого-марксиста; книга вышла в свет седьмым выпуском серии «Исследования и источники» Отделения истории и философии Чехословацкой Академии наук. Текст книги редактировался и рецензировался крупнейшими чешскими специалистами по истории древней Греции: Л. Варцлем и И. Фрелем.

Выбор темы труда П. Оливы несомненно следует признать весьма удачным. Проблема раннегреческой тирании является одной из наиболее важных и сложных в истории древней Греции. Значение ее определяется тем, что вопрос о ранней тирании связан теснейшим образом с проблемой возникновения рабовладельческого строя и, в частности, государства. Сложность проблемы обусловлена как недостаточной разработанностью ее в марксистской историографии, так и состоянием на редкость фрагментарных ис-

¹ Предисловие А. Ю. Якубовского к I тому «Истории народов Узбекистана»; А. М. Мандельштам, Сложение таджикской народности в Среднеазиатском междуречьи, автореферат, М.—Л., 1951.

* П. Олива, Раннегреческая тирания. К проблеме возникновения государства, Прага, Изд-во Чехословацкой Академии наук, 1954, 498 стр., 35 илл., 5 табл. и 5 карт; он же, Начало рабовладельческого производства в античной Греции, «Чехословацкий исторический журнал», 1954, стр. 78—92.